

ОДИН

Стоял конец декабря на юге Англии, и, хотя было только три часа дня, небо за окном спальни Шарлотты чернело и наполнилось звездами, словно за полярным кругом. Я как-то забыл об этом за несколько месяцев в Коннектикуте, в Шеррингфордской школе, хотя вырос, стоя одной ногой на одном берегу Атлантики, а другой — на втором. Когда я думал о зиме, я представлял себе эти практичные вечера в Новой Англии, которые наступали сразу же после ужина, исчезая в утренней синеве, когда вы потягивались, просыпаясь. Зимние вечера в Британии другие. Они приходят в октябре с пистолетом и держат вас в заложниках следующие шесть месяцев.

Все говорили, что лучше бы я сначала съездил к Холмс летом. Ее семья жила в Сассексе, в краю, который подпирал южное побережье Англии, и с верхнего этажа дома, который они построили, можно было видеть море. Ну, можно было бы, имей вы очки для ноч-

ного видения и живое воображение. Декабрьская темнота в Англии сама по себе портила мне настроение, а семейное поместье Холмсов было воткнуто в холм, как крепость. Я все время ждал, что молния разорвет небо над ним или что из погребца выйдет, запинаясь, какой-нибудь бедный, измученный мутант или сумасшедший ученый в горячке исследований.

Внутри тоже мало что могло развеять ощущение, что ты попал в фильм ужасов. Но в фильм ужасов особого рода — что-нибудь типа скандинавского архауса. Длинные темные неудобные диваны, созданные явно не для того, чтобы на них сидели. Белые стены, увешанные белыми же абстрактными картинами. Скрытый в углу кабинетный рояль. Если коротко, то в таких местах живут вампиры. Настоящие вампиры, только хорошо воспитанные. И повсюду тишина.

Комнаты Холмс в цокольном этаже были захлапленным живым сердцем этого холодного дома. Стены в ее спальне были выкрашены в темный цвет, со стеллажами складского образца и книгами, книгами повсюду, расставленными по алфавиту на полках и разбросанными на полу с раскрытыми страницами. В соседней комнате имелся химический стол, забитый мерными стаканами и горелками. Суккуленты, изогнутые и шишковатые, в маленьких горшочках — каждое утро Шарлотта кормила растения смесью уксуса и миндального молока из пипетки. («Это эксперимент, — сказала мне Холмс, когда я запротестовал. — Я пытаюсь их убить. Их ничто не берет».) На полу были разбросаны бумажки, монеты и сломанные сигареты — и все же во всем этом бескрайнем беспорядке нигде не обнаружилось бы ни

единого участка пыли или пятнышка грязи. Всё, как я и ожидал, зная Шарлотту, кроме, быть может, ее записки с шоколадными бисквитами и «Британской энциклопедии», которую Холмс держала на низкой книжной полке, игравшей роль прикроватной тумбочки. Очевидно, Холмс любила размышлять над ней в кровати, с сигаретой в руке. Сегодня это был том «Ч», статья «Чехословакия», и по какой-то непостижимой причине Шарлотта настояла на том, чтобы прочесть мне всю эту статью вслух, пока я ходил перед ней взад и вперед.

Ну, причина могла быть. Это был способ избежать разговоров о чем-то настоящем.

Пока она читала, я старался не смотреть на рассказы о Шерлоке Холмсе, которые она поставила на тома энциклопедии «Д» и «Е». Они принадлежали ее отцу и были стащены из его кабинета. Ее собственный экземпляр мы потеряли во время взрыва бомбы этой осенью, вместе с ее химической лабораторией, а также моим любимым шарфом и в изрядной степени верой в человечество. Те рассказы о Шерлоке Холмсе напомнили мне о девушке, которой Шарлотта была, когда мы встретились, — девушке, которую я так сильно хотел понять.

За последние несколько дней мы как-то ухитрились попятиться от нашей простой дружбы назад, на знакомую территорию недоверия и неизвестности. От этой мысли меня тошнило, мне хотелось на стенку лезть. Мне надо было выложить ей все это, чтобы мы могли начать это исправлять.

Я не стал этого делать. Вместо этого я в лучших традициях нашей дружбы затеял ссору из-за чего-то совершенно постороннего.

— Где он? — спросил я ее. — Почему ты просто не скажешь мне, где он?

— Она не существовала до тысяча девятьсот восемнадцатого года, когда Чехословакия освободилась от Русско-Венгерской империи и стала той страной, которую мы знаем в двадцатом веке. — Холмс стряхнула пепел своей «Лаки Страйк» на покрывало. — Потом, после серии событий, произошедших в сороковых...

— Холмс. — Я помахал рукой перед ее лицом. — Холмс, я спрашивал о костюме Майло.

Она отмахнулась от меня:

— ...в ходе которых государство стало не совсем таким, как раньше...

— О костюме, который совершенно мне не идет. Который стоит дороже дома моего отца. И который ты заставляешь меня носить.

— ...пока определенная часть ее территории не была уступлена Советскому Союзу в тысяча девятьсот сорок пятом. — Холмс сощурилась на том энциклопедии, сигарета выпала из ее пальцев. — Следующую часть я не понимаю. Должно быть, я пропустила что-то на этой странице, когда читала ее в прошлый раз.

— Ты перечитываешь эту статью много раз. Немного Восточной Европы перед сном. Прямо как сыщица Нэнси Дрю.

— Как кто?

— Никто, — сказал я, начиная терять терпение. — Послушай. Я понимаю, ты хочешь, чтобы я «переодевался к обеду» и можешь говорить эти слова с невозмутимым лицом, потому что ты росла именно на таком уровне невыносимой удушающей роскоши, и я

не знаю, — может, тебе нравится, что я чувствую себя неудобно...

Она моргнула, слегка задетая. Сегодня каждое мое слово звучало более грубо, чем я хотел.

— О'кей, ладно, — сказал я, отступая, — это просто чисто американский приступ паники, но комнаты твоего брата заперты крепче Пентагона...

— Умоляю. Майло следит за безопасностью куда лучше, — сказала она. — Тебе нужен код доступа? Я могу его спросить сообщением. Майло меняет его удаленно каждые два дня.

— Код к его детской спальне. Он меняет его. Из Берлина.

— Ну, он же глава частной охранной компании. — Она потянулась за телефоном. — Не хочет, чтобы кто-нибудь нашел мистера Виггса. Плюшевые зайцы нуждаются в такой же защите, как и государственные секреты, знаешь ли.

Я рассмеялся, она улыбнулась в ответ, и на какой-то момент я забыл, что мы не вместе.

— Холмс, — сказал я так, как часто говорил в прошлом — не обдумывая ни интонацию, ни что я скажу потом.

Шарлотта затянула паузу дольше, чем обычно. Когда она наконец сказала «Ватсон», то сказала неохотно.

Я подумал о вопросе, который хотел задать. Обо всех ужасных вещах, о которых мог сказать. Но выговорил лишь:

— Почему ты читала мне о Чехословакии?

Ее улыбка стала натянутой.

— Потому что мой отец пригласил на обед чешского посла вместе с новым хранителем Лувра, и я подумала, что мы могли бы подготовиться, потому что я сомневаюсь, что ты вспомнишь что-нибудь о Восточной Европе без моих подсказок, а мы хотим показать моей матери, что ты не идиот. О! — прибавила она, так как ее телефон запищал. — Майло изменил код на три шестерки, как раз для нас. Очаровательно. Поди примерь костюм. И поспеши. Нам еще надо обсудить Бархатную революцию восемьдесят девятого года.

Тут мне захотелось самому объявить о капитуляции. Хранители? Послы? Ее мать думает, что я идиот? Как обычно, ситуация оказывалась мне не по зубам.

Честно говоря, отец намекал мне, что поездка будет не из легких. Не думаю, что он имел в виду что-то конкретное. Когда через несколько дней после завершения дела с Брайони Даунс я сказал ему о моих планах — провести часть каникул у меня, а часть у нее, — он начал с того, что моей матери эта идея не понравится (в качестве предупреждения это заявление было неэффективно в силу абсолютной своей очевидности). Моя мать ненавидела Холмсов, и Мориарти, и тайны. Я уверен, что она ненавидела и твидовые кепки — из принципа. А после того, что случилось этой осенью, больше всего она ненавидела Шарлотту Холмс.

— Ну, — сказал мой отец, — если ты настаиваешь на том, чтобы пожить с ними, я уверен, что ты проведешь очень... приятное время. Дом прекрасен. — Он замаялся, явно придумывая, что бы еще сказать. — И родители Холмс... Да. Ну... Знаешь, я слышал, у них шесть ванных комнат. Шесть!

Это было дурное предзнаменование.

— Там будет Леандр, — сказал я, уже начиная отчаиваться от перспективы.

Дядя Холмс и мой отец были соседями по квартире моего отца и после — лучшими друзьями.

— Леандр! Да. Очень хорошо. Он будет действовать как буфер между тобой и... и тем, для чего тебе понадобится буфер. Отлично!

Дальше отец пробормотал что-то относительно моей сводной матери, которой он нужен на кухне, и ушел, оставив меня в новых сомнениях относительно Рождества.

Как только Холмс стала развивать идею о совместном проведении каникул, я начал представлять нас где-нибудь вроде апартаментов моей матери в Лондоне. Свитера, какао, может быть, просмотр специального выпуска «Доктор Кто» у камина. Холмс в вязаной шапочке, разделяющая апельсин в шоколадной глазури. Собственно, мы уже развалились на диване в моей комнате, когда Холмс сказала, чтобы я перестал избегать темы и просто спросил мою мать, могу ли я уехать в Сассекс. Я изо всех сил уклонялся от этого разговора.

— Будь дипломатичен, — сказала Холмс и после паузы пояснила: — Я имею в виду, спланируй заранее, что хочешь сказать, а потом не говори этого.

Без толку. И Холмс, и мой отец предвидели мамину реакцию более-менее точно. Когда я поделился с ней нашими планами, она стала так громко кричать о Люсьене Мориарти, что обычно невозмутимая Холмс забилась в угол.

— Ты чуть не *погиб*, — завершила моя мать. — Мориарти едва не *убили* тебя. И ты хочешь провести Рождество в крепости их врагов?

— Их крепость? Какой ты ее себе представляешь, Бэтмен? — Я рассмеялся, а Холмс в другом углу комнаты закрыла лицо руками. — Мама. Все будет нормально. Я уже почти взрослый и могу решать, как мне провести каникулы. Знаешь, я просил папу не говорить тебе о моем предсмертном состоянии. Я боялся, что твоя реакция будет слишком бурной, и я был прав.

Последовала долгая пауза, а потом крики начались с новой силой.

Когда мать сдалась, — а она наконец сдалась, хоть и с крайним предубеждением, — это прошло для нас даром. Наши последние дни в Лондоне превратились в кошмар. Мать цеплялась ко мне по каждому поводу. Начиная от чистоты в моей комнате и заканчивая моим английским акцентом, который бумерангом вернулся ко мне, стоило мне вернуться в Лондон. «Похоже, эта девушка у тебя и твой голос отобрала», говорила моя мать. Может быть, я с самого начала слишком оттолкнул ее: она определенно не была в восторге от того, что я первым делом пригласил Холмс погостить у нас. Думаю, для обеих было бы легче, оставайся Шарлотта на втором плане. Но я хотел настоять на своем и устал от того, что моя мать пренебрегает людьми, которых она никогда не видела. Людьми, важными для меня. Ради меня уж могла бы принять моего лучшего друга как блестящую, восхитительную девушку, какой та и была.

Мамина тактика работала именно так, как и можно было ожидать.

Холмс и я проводили почти все время вне дома.

Я водил ее в мои любимые книжные магазины, где грузил ее романами детективщика Йена Рэнкина, а она отыгрывалась покупкой книги о европейских слизняхках. Я шел с ней в дешевую лавку на углу, где она отвлекала меня детальным и, вероятно, выдуманым отчетом о сексуальной жизни ее брата (дроны, камеры, бассейн на крыше), доедая жареную рыбу с моей тарелки и не притрагиваясь к собственной. Мы гуляли вдоль Темзы, где я показывал ей, как пускать блинчики, и она чуть не пробилла борт у проходящей понтонной лодки. Мы ходили в мое любимое заведение с карри. Два раза. В один день. Впервые попробовав их жареные овощи в тесте, Шарлотта состроила такое лицо — блаженное, с прижмуренными глазами, — что через два часа я решил, что хочу увидеть его еще разок. Видеть ее счастливой было так здорово, что искупало смущение, испытанное мной тем же вечером, когда я застал Холмс за обучением моей сестры Шелби тому, как наилучшим способом вывести кровавые пятна. В качестве учебного пособия они использовали пятна от карри на моей рубашке.

Одним словом, невзирая на мою мать, это были три лучших дня в моей жизни и вполне обычная неделя с Шарлоттой Холмс. Моя сестра, непривычная к такому, была совершенно покорена. Шелби следовала за Холмс тенью, одевалась в черное и выпрямляла волосы, то и дело уволакивала Шарлотту, чтобы показать ей кое-что в своей комнате. Я не представляю, что это было за *кое-что*, но по ритмичной серьезной музыке, доносящейся из-под двери, я понимал, что

звуковым сопровождением служил L. A. D., любимый сестренкин бойз-бэнд на тот момент. Думаю, Шелби показывала Шарлотте свои рисунки. Мать говорила, что, пока меня не было, моя сестра страстно увлеклась живописью, но до сих пор она стеснялась демонстрировать кому-нибудь свои работы.

Не то чтобы я представлял, как реагировать на такую демонстрацию. Я ничего не знал о живописи. Я знал, что мне нравится, что производит на меня впечатление — как правило, это были портреты. Я любил работы, в которых была какая-то тайна. Сцены в темной комнате. Таинственные бутылки, или книги, или девушка, отвернувшая лицо. Когда меня спрашивали, я бубнил, что моя любимая картина — это рембрандтовские «Уроки анатомии», хотя, если честно, уже не помнил ее ясно. Я был склонен посвящать слишком много времени моим любимым вещам и любил их слишком сильно, пока не уставал от них напроочь. Через какое-то время они уже не приносили истинного удовольствия, превращаясь в нечто вроде условного обозначения — характеристики того, кем я тогда был.

— Шелби нужен мой совет, и я знаю достаточно, чтобы дать ей его, — сказала Холмс.

Я спросил, не говорила ли она с моей сестрой о ее рисунках. Это был наш последний вечер в Лондоне, мы отправлялись в Сассекс на следующий день после обеда. Мать превратила мою спальню в кабинет, так что мы сидели там же, где и всю неделю, — на паре складных матрасов в гостиной, со сваленными позади, точно баррикада, сумками. Небо снаружи стало

светлеть. Наше соглашение с Холмс быть друзьями впало в спячку. Иными словами — как и не бывало.

— Достаточно? — переспросил я.

— Отец считал, что это важная составляющая моего образования. Я могу бесконечно рассуждать о цвете и композиции благодаря ему, и... — она нахмурилась, — ...моему старому учителю, профессору Демаршельеру.

Я приподнялся на локте:

— Ты... рисовала картины?

Меня задело то, как мало я знал о ней, как много фактов из ее жизни вплоть до этого сентября доходили до меня либо через вторые руки, либо фрагментами, не связанными друг с другом. У нее был кот по имени Мышь. Ее мать была химиком. Но я понятия не имел, какую книгу она купила первой, или хотела ли она когда-нибудь стать ихтиологом, или даже как она выглядела, когда ее не разыскивали за убийство. Она играла на скрипке, да, и я предполагал, что она пробовала и другие виды искусства. Я пытался представить, как выглядела Холмс, рисующая картину. «Девушка в темной комнате, — подумал я, — отвернувшая лицо». Но, когда я посмотрел на нее, она повернулась ко мне:

— У меня нет таланта, я не хочу тратить свое время на вещи, в которых не сильна. Но я беспристрастный критик. Твоя сестра вполне хороша. Тонкое чувство композиции, интересное ощущение цвета. Видишь? Вот, пожалуйста: говорю об искусстве. Ее тематика ограничена, да. Я увидела около тридцати изображений соседской собаки.

— Пси́на обычно спит на заднем дворе, — улыбнулся я. — Удобная модель.

